

АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Русская мысль»

ГЛАЗАМИ ИСТОРИКА

Пожар в театре

Пет сто назад персонаж чеховской «Есы жаловался: это не жизнь, а пар в театре. Несколько лет назад, когда «перестройка» начала давать свои первые плоды, стали говорить, что жизнь напоминает пожар в борле во время землетрясения. Общину разделенных столетием определений был не столько пожар, сколько едствление о жизни как спектакле: в театре или публичном доме. Рутятся декорации, огонь обнажает краски жизни: злобный, обугленный до неузнаваемости за годы строительства «земного рая».

Новое модное словцо: демонтаж. Ажуху его на разных языках, асю: звучит одинаково, всюду означают же самое. Пишут: демонтаж советской политической системы, демонтаж компартии, демонтаж империализма, демонтаж централизованного планирования... А сегодня утром паужское радио, передавая новости, юбщило коротко, без комментариев: в Москве — очереди за хлебом... е только профессиональные истокки — все советские люди, учившиеся в школе, помнят, что случилось, гда зимой 1917 года в Петрограде звылились хлебные очереди. Московские очереди за хлебом — в мирное зремя, когда богатейший урожай шнет на полях, — знак политическо-, экономического развала, напомиающего зиму 1917 года.

Есть сходства, есть — еще больше — различия между двумя катастрофами. В числе различий одним из самых жных — если не важнейшим — едствляется мне то, что следовало бы назвать «духовным демонтажем». Происходило это как бы незаметно, несомненно, незапланированно, надо бы сказать — стихийно: ликвидировались там и здесь «белые пятна», разоблачались некоторые преупления — по мере того, как слышные документы попадали в руки урналистов, а чаще всего по мере го, как публиковались изданные заубежом книги (где все «белые пятна» давно были раскрашены в необидимые цвета). И внезапно — прошее исчезло, советской истории неало. Я имею в виду не только то, что азывают политической историей, ет сегодня также истории советской атературы.

Я взял учебник русской советской атературы для 10-го класса средней колы, вышедший третьим изданием 1978 году (не знаю — может быть, и згодня ни пользуются). В конце лебника дан список советской класси, включающий пять постановлений ЦК по вопросам литературы 1920, 1925, 1932, 1946, 1972), определяющих форму и содержание книг. Истрия должна сохранять и эти книги, этот список, но выглядят они сегодня (книжки и списки) по меньшей мере странно. В особенности, если приять во внимание поток другой литературы, хлынувший на советского аателя в последние годы. В живой, зримальной литературе могут сосуществовать Андрей Платонов и Корнейчук, Владимир Набоков и италий Закруткин, Михаил Булгаков и Георгий Марков. Но в учебнике, который я разглядываю, нет ни платонова, ни Набокова, ни Булгакова, а классиками, изучение которых обязательно, названы Корнейчук, акруткин, Марков и им подобные. анализ одобренных партий шедевзв заключает глава: «Мировое знание советской литературы».

Ощущение духовной пустоты, потеря всех ориентиров усугубляется тем, го в перечне советских «классиков» еются имена писателей, которые згодня активно действуют на переднем крае «перестройки». С некоторой зустью прочитал я в «Русской мысли» (за 31 августа) статью о Сергее Довлатове. Грусть моя была вызвана нелько известием о смерти талантливого писателя, но и тем, что уважаемый поэт и литературовед Лев Лосев, зтор статьи, говорит о «петроградской литературной традиции», воспывшей Сергея Довлатова. И называя ителей, в первую очередь говорит Вере Федоровне Пановой. Не зная лично никого из упомянутых предгавителей «петроградской литературной традиции», верю Льву Лосеву, го все это — почтеннейшие люди, о, зная книги, написанные ими, дуаю, что следовало бы говорить о «ленинградской литературной традиции». Петроградская — это, скажем, вений Иванович Замятин. И вряд ли он счел бы близкими себе — в казм угодно отношении — романы Велы Пановой «Кружилыха» или «Ясый берег», удостоенные, как сегодня выражаются, Государственной ремии. Находил, значит, какие-то зжные ему достоинства Иосиф Висарионович, когда давал этим ромаам премию имени его самого.

Нет в моих намерениях сводить счеты с лауреатами Сталинских премий. Я отмечаю лишь, что «гамбургский счет», о котором некогда говорил Виктор Шкловский, предлагающий оценивать литературу только как литературу, все еще не в моде. Не только продолжается, но усиливается, как мне кажется, «пожар в театре». И не приходится удивляться, если 28-й (который оптимисты называют последним) съезд КПСС принимает резолюцию, в которой «поручает вновь избранному ЦК» принять меры «для защиты нравственности советских людей»... Наверное, предвидя нечто подобное, Достоевский обнаружил, что если Бога нет, то все дозволено.

Духовный кризис — это прежде всего кризис духовных пастырей. В начале 1917 года русские «духовные пастыри», владельцы дум, знали, что необходимо свергнуть самодержавие, дать крестьянам землю, некоторые из них говорили, что надо еще дать фабрики рабочим. Многие требовали закончить войну. Здесь не место оценивать эти лозунги. Несомненно, что они были понятны, находили отклик в народе. Главное же — русская интеллигенция, взявшая на себя роль «пастыря», долгие десятилетия точно знала, что революция — благо для

страны. Русский интеллигент Михаил Бакунин сформулировал окончательное кредо революции: дух разрушающий есть дух созидующий. Современник, друг и противник отца анархизма Александр Герцен писал: «В нашей жизни, в самом деле есть что-то безумное, но нет ничего прошлого, ничего мешанского». Мальчик без штанов в диалоге Салтыкова-Щедрина, признавая, что мальчик в штанах, защищающий идеологию буржуазного Запада, живет лучше, гордится: зато у нас занятые

Ставшие советскими, эти «властители дум», верой и правдой служившие на стройке тоталитаризма, не предложили в момент катастрофы ничего, кроме двух лозунгов. Либералы: вперед к капитализму (сиречь — рынку). Консерваторы: вперед к общине. Вряд ли можно сказать, что эти лозунги нашли широкий отклик в сердцах и душах народов, населяющих территорию, которую все еще называют Советским Союзом. Магическое слово «рынок» привлекает, может быть, жителей прибалтийских республик, еще помнящих его благоденствие, но оно непонятно и пугает граждан других республик. Тем страшнее выглядит перспектива рынка, что каждая из бесчисленных

сегодня программы — Абалкина или Шаталина, Рыжкова или Ельцина — предусматривает директивный переход к свободе собственности и торговли. Адам Смит, отец теории капитализма, двухсотлетие со дня смерти которого отмечали на днях, говорил о «невидимой руке» рынка. В Москве сегодня хотят создать «невидимую руку» с помощью указаний. Как бы хотят, чтобы была чудотворная рука — невидимой, но в то же время хорошо различимой из президентского кабинета.

Все сегодня согласны, кажется, что только рынок может спасти. Но пасти что? Советский Союз? Советскую систему? Новую демократическую систему, которая вырастет на месте развалин? То, что я назвал духовным кризисом, отсутствием подлинных критериев, будет, как мне представляется, главным препятствием на пути к новым отношениям, с которыми русская интеллигенция отчаянно воевала со дня своего рождения более ста лет назад.

В начале «перестройки» было сказано: нельзя перепрыгнуть пропасть в два прыжка. Шестой год страна под руководством генсека-президента преодолевает пропасть фланирующими шажками. И до самого недавнего времени «духовные пастыри» были с ним. Сегодня, кажется, они обнаружили нового «Спасителя», который обещает чудеса на 500-й день...

Дошла до Парижа московская газета «Демократическая Россия». Во втором номере обратила мое внимание стихи Юлиа Кима «Позадержавши-

еся», в которых автор заявляет: «Уходите, ваше время истекло». Обращаясь к Ним, он уговаривает: «Уходите, ваше время истекло! Уходите благородно и светло, подыщите ремесло, чтобы пользу принесло. А пока что ваше время истекло». Прочитал я эти стихи и задумался: кого автор имеет в виду? кого он просит уйти «благородно и светло»? Горбачева? Ельцина? ЦК КПСС? всю коммунистическую партию, продолжающую насчитывать миллионы девятнадцать? Не то, чтобы это были потрясающие силой и глубиной стихи. Они, как мне кажется, представляют интерес, ибо выражают бытующее мнение: можно попросить, и «Они» уйдут — тогда станет сразу же хорошо; можно — так сделали в Польше, в Чехословакии, — несколько оттеснив «Их» от власти, привлечь к сотрудничеству, дав «благородное и светлое» ремесло.

Отношение к «Ним» — еще один пример потери ориентиров, отсутствия критериев, «точек отсчета».

Духовный кризис — причина того, что единственной панацеей, нашедшей множество сторонников, стали национализмы. Только избавиться от «ужих, только остаться между своими «по крови» — и все будет замечательно. Произойдет чудо и наступит рай. В одной из пьес Сартра говорится: ад — это другие. Слова эти можно написать на знаменах националистических движений, расцветших в СССР. Кактусы растут в пустынях.

МИХАИЛ ГЕЛЛЕР

ЮАР: Преображение партии апартеида

В конце истекшей недели президент ЮАР Ф. де Клерк потряс основы политического апартеида или, точнее, то, что от них осталось, объявив правящую Национальную партию открытой для представителей всех рас. Эта партия, бесценно стоящая у власти в Южной Африке с 1948 года, долгое время была «вдохновителем и организатором» политики апартеида — самой жесткой в современном цивилизованном мире формы расовой дискриминации и сегрегации. Сегрегация белых граждан (5 млн.), пользующихся всеми благами высокоразвитой экономики и большой свободой, от негров (30 млн.), у которых рыночных благ поменьше, а свобод еще меньше — почти так же мало, как у граждан СССР, хотя «имити» и прописку (право на проживание в городских районах) у них отменили в 1986 году, а независимые профсоюзы действуют вот уже более десятилетия. Однопартийную демократию расистам вообще построить не удалось.

Созданная в начале века, Национальная партия боролась с англичанами за права большинства белых — составляющих две трети белого населения страны буров-африканеров (потомков голландских крестьян и бежавших от преследований французских гугенотов) — и против прав негритянского большинства, которое угрожало конкуренцией на рынке труда неквалифицированным белым беднякам. Победив на «белых» выборах 1948 года, партия приняла такие расовые законы, которые позволили вскоре превратить Южную Африку в «рай для белого человека». Своим процветанием ЮАР во многом обязана эксплуатации бесправной и недооплачиваемой негритянской рабочей силы, сегодня уже не нищей и не бесправной, хотя предпринимательский и научнотехнический вклад белых тоже недооценивать не стоит.

Будучи любимой мишенью лево-либеральных кругов Запада, традиционно аллодиравших диктаторам коммунистического и Третьего мира, Южная Африка, управляемая партией апартеида, в общем, никогда таким исчадием ада, как ленинско-сталинско-брежневский Советский Союз или гитлеровская Германия, не была. Какими-то своими чертами ЮАР удивительно напоминает античную рабовладельческую демократию. А если говорить политическим языком сегодняшнего дня, то там просто сложился внутренний колониализм, т.е. довольно редкое сочетание высокоразвитой метрополии и отсталой бесправной колонии в одной отдельно взятой стране. И депрессии были вполне колониального масштаба — до гулаговских размеров в отдельно взятых странах социализма они никогда не доходили.

В 30-50-е годы во многом под влиянием европейских «измов» здесь появились черты тоталитаризма в политике, экономике, идеологии, однако тоталитаризм остался здесь лишь тенденцией развития, которая так и не победила. Не была уничтожена полностью политическая оппозиция, оппозиционная печать, хотя правящая партия прибрала к рукам с начала 50-х годов основные рычаги власти и успешно потрудились над созданием полицейского государства. Не была полностью огосударствлена экономика. Вот этот последний фактор — сохранение значительного массива частной собственности, в том числе транснациональной, связанной теснейшим образом с центрами западной де-

мократии, — послужил, как представляется, главным бастионом свободы и плюрализма в ЮАР, который так и не пал.

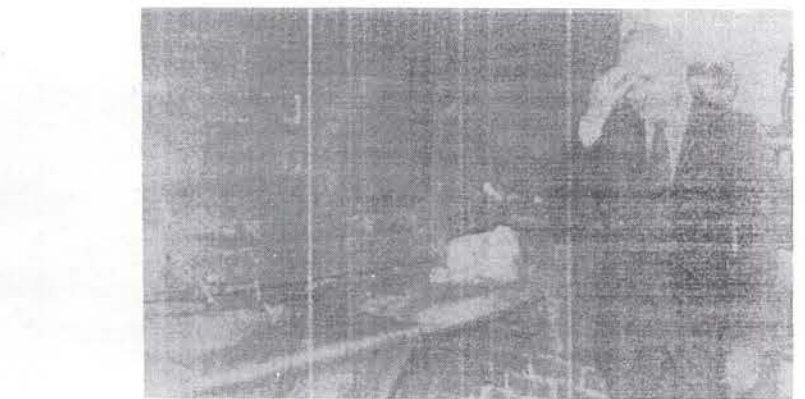
В 70-е годы, когда примитивные стадии индустриального развития страны были пройдены и везекономическое принуждение стало совсем неэффективным, когда включение в мировую научно-техническую революцию потребовало интеллектуализации труда с такими неизбежными «доставками», как свобода информации и свобода творческой личности, тут-то и начался демонтаж апартеида, сначала косметический, потом реальный.

Без этого система апартеида вполне справилась бы и с булавочными уколами возглавляемой АНК и компартией вооруженной борьбы, о которой белые южноафриканцы, как и мы, узнавали в основном из газет и телепередач, и с международными эмбарго, которые никак не могли затронуть основные статьи южноафриканского экспорта — золото, платину, хром, марганец и другие стратегические материалы, по которым эта страна — главный поставщик мирового рынка...

За десятилетие с конца 70-х до конца 80-х годов был отменен расовый барьер в промышленности (резервирование квалифицированных и высокооплачиваемых работ за белыми), легализованы и стали мощной силой профсоюзы рабочих-негров, снят запрет на межрасовые браки и убраны отовсюду молящиеся глаза, словно лозунги «слава КПСС!», таблички «только для белых». Однопалатный белый парламент был заменен трехпалатным, с представительством индийцев и метисов, однако южноафриканские негры получили политические права только на местном уровне. «Перестройка по-южноафрикански», как они сами ее называют, также лишь незначительно затронула сферу жилья (расселение по расовым группам) и образования (десегрегированы университеты, но не школы), а главное — реальная власть осталась в руках белого меньшинства и его африканерского истеблишмента.

Это не помешало консервативно-расистскому крылу Национальной партии отколотиться и образовать Консервативную партию, обращенную к «светлому прошлому» классического апартеида, которая собирает на выборах от 20 до 30% голосов белых избирателей. Почти столько же голосов собирает на «левом фланге» либеральная антирасистская Демократическая партия, которую поддерживает главным образом англоязычное население.

Пришедший в конце 1989 года на смену исчерпавшему свой реформаторский потенциал Питеру Боте, тесно связанному с военно-промышленным комплексом и госбезопасностью, выходя из той же партийной «номенклатуры», Фердерик де Клерк, резко повернул в сторону радикальных реформ. Невольно напрашивается параллель «Горбачев—Ельцин». Де Клерк отказался от имперских притязаний на Намибию, пошел на легализацию компартии и союзного ей Африканского национального конгресса, выступавших за насильственное свержение существующего строя и ведших с ним, хоть и без большого успеха, вооруженную борьбу. Он также освободил политических заключенных — именно политических, а не узников совести, поскольку, в отличие, например, от России, где демократическое движение

4 сентября президент де Клерк посетил негритянский тауншип Соуто.

зиднется на принципах ненасилия, подавляющее большинство южноафриканских оппозиционеров, включая самого знаменитого из них, Нельсона Манделу, сидели в тюрьме или за политические убийства, или за организацию вооруженного насилия. Было прекращено применение смертной казни, чрезвычайное положение отменено всюду, за исключением нескольких районов, где происходят столкновения между враждующими группировками черного населения. На повестке дня сегодня ликвидация последних бастионов апартеида — политической неравноправия негров, расселения по расовым группам и, наконец, самого принципа обязательной регистрации граждан страны по принадлежности к одной из расово-этнических групп: белой (5 млн.), черной (из 30 млн. негров здесь примерно 8 млн. зулусов и 7 млн. коса, поставляющих кадры враждующим группировкам), цветной — метисы (3 млн.) и индийской (более 1 млн.).

Окончательный демонтаж апартеида будет предметом предстоящих через несколько месяцев переговоров всех политических сил. Ключевое является проблема всеобщего избирательного права, от нее зависит решение вопроса о власти. Лозунгом АНК традиционно был принцип «один человек — один голос» в унитарном государстве. Под этим простым и ясным лозунгом долго велась вооруженная борьба с правительством белых, 99% которых видели в его осуществлении свое политическое, а то и физическое самоубийство. Большинство специалистов по Югу Африки в Институте Африки АН СССР, где я работаю, не чуждые и до «нового мышления» таких общечеловеческих ценностей, как уважение к жизни, свободе и правам меньшинств, уже давно скептически относились к «революционному энтузиазму» кураторов нас аппаратчиков международного отдела ЦК КПСС, традиционно поддерживавших самые кровавые режимы и движения в Третьем мире. В своем анализе мы исходили из того, что в крупном многонациональном государстве с большими региональными различиями упрощенные унификационные решения, как показывает человеческий опыт, включая нас собственными, проблем не решают, а вадут прямой дорогой к резне и диктатуре.

В Южной Африке невозможно представить себе никакое политическое урегулирование без согласия белой общины, которое никогда не будет получено, если предлагаемый политический механизм не включит гарантий для расово-этнических меньшинств. Не только белых, но и многие представители других меньшинств: индийцев, цветных,

опасаются доминирования и кровавого свемалых африканских народов — справедливо денения счетов между зулусами и коса и контролируемые ими организациями, столкновений, которые, собственно, происходят уже сейчас и жертвами которых за последние недели стали более 500 человек. Эти группы хотят гарантировать себе право вето в будущем парламенте. В случае прихода к власти в результате выборов таких организаций, как Африканский национальный конгресс Нельсона Манделы с его установками экспроприировать и делить поровну или даже более умеренная и прозападная Инката вождя зулусов Бутелези, если им не будет создано политических противовесов, полем сражения станет вся страна. ЮАР в этом случае в считанные месяцы превратится в голодного «доходягу», столь, к сожалению, характерного для облика Черного континента. Открытие Национальной партией для небелых южноафриканцев позволит ей вообрать умеренные элементы из соответствующих расовых групп и получить на свободных выборах достаточно голосов, чтобы претендовать на место в возможном коалиционном многопартийном и межрасовом правительстве. В то же время для того, чтобы гарантировать плавный переход от демократии для немногих к демократии для всех, по-видимому, потребуются двухпалатная структура парламента, где нижняя палата, избираемая всеми вместе на основе принципа «один человек — один голос» дополнялась бы верхней — своего рода «советом национальностей», состоящим из равного числа представителей от основных расово-этнических групп, каждая из которых, через своих депутатов, получила бы право наложения вето на любой закон, который, по мнению данной группы, ущемлял бы ее интересы.

При всей сложности проблем и остроте конфликтов, Южная Африка сегодня — далеко не худший уголок Земли. Об этом свидетельствует стремление десятков, если не сотен тысяч восточноевропейцев, включая наших несчастных соотечественников, всеми правдами и неправдами туда попасть. Если так пойдет дальше, то через несколько лет южноафриканскому правительству не страшно будет решать расовую проблему самым демократическим путем — там будет белое большинство.

...А пока что в черных тауншипах Йоханнесбурга опять прошла «ночь длинных ножей», унесшая около 40 жизней...

ЮРИЙ СКУБКО

Москва — Париж